

Южный Кавказ: сцена для «Новой большой игры» между НАТО и Россией?

Хаял Искандаров,¹ Грег Саймонс,² и Петр Гавличек³

¹ Военная академия Вооруженных Сил Азербайджанской Республики

² Уппсальский университет, Швеция

³ Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, Польша

Резюме: Северный Кавказ – один из важнейших геостратегических регионов между Европой и Азией, арена для многих региональных и глобальных игроков с непреходящими интересами. Эти интересы сталкивались на протяжении веков. Каждый субъект стремится навязать свои правила и пытается извлечь выгоду из геостратегических преимуществ региона. В статье анализируются основные аспекты, вызовы и перспективы сотрудничества стран Южного Кавказа с Россией и НАТО. Авторы описывают конкуренцию за власть и влияние в регионе, «Старую большую игру», региональное положение дел и возможное влияние российского фактора на сотрудничество стран Южного Кавказа и НАТО. Они иллюстрируют интересы безопасности России на Южном Кавказе по отношению к политике расширения НАТО, очерчивают причины нежелания Североатлантического союза активно участвовать в делах этого региона, а также текущие и будущие перспективы сотрудничества Южного Кавказа и НАТО. Как утверждают, присутствие НАТО уравновешивает российское военное присутствие в регионе, но как с этим справляться, не вызывая антагонизма у действующего правительства в Москве, и каков его вклад в разрешение так называемых «замороженных конфликтов» для поддержания безопасности и процветания Южного Кавказа? Сочетание соперничества и конфронтации было обозначено как «Новая большая игра» с явными сходствами и различиями по сравнению со «Старой большой игрой». Авторы задаются вопросом, существует ли в настоящее время «Новая большая игра», и применяют сравнительный анализ, синтез, индуктивные и дедуктивные методы, чтобы прийти к убедительным ответам.

Ключевые слова: НАТО, Россия, безопасность, сотрудничество, замороженный конфликт, соперничество великих сил.

Введение

Хотя Южный Кавказ занимает небольшую территорию на карте мира, масштаб интереса к этому региону намного превышает его географические размеры. Распад Советского Союза в 1991 году коренным образом изменил геополитическую динамику Южного Кавказа, поскольку каждое из государств-преемников стремилось определить свои собственные национальные интересы и политические приоритеты.¹ Еще одним следствием распада Советского Союза было то, что он позволил другим державам соперничать за влияние в бывших советских республик, чего они раньше не могли делать из-за сильной гегемонистской власти Российской империи, а затем и Советского Союза.² По своему геополитическому и стратегическому значению регион всегда находился на передовом крае внешней политики мировых держав. Гегемонистские державы использовали его на протяжении всей истории, чтобы оказывать влияние на соседние регионы. Если раньше Южный Кавказ находился на периферии международной повестки дня, то после распада Советского Союза и последующего образования новых независимых государств он стал гораздо более важным как для своих соседей, так и для влиятельных акторов не из этого региона.³ Сегодня Южный Кавказ – это разнообразный геополитический регион, занимающий стратегическое место в транспортировке каспийской нефти и газа.

Однако регион сталкивается с нерешенными конфликтами и социально-политическими и экономическими проблемами, вызванными распадом Советского Союза.⁴ Затяжные конфликты в регионе долгое время являются источником напряженности как для Грузии, так и для Азербайджана. Хотя НАТО не принимает непосредственного участия в разрешении конфликтов на территории стран, не входящих в Североатлантический союз, кризис на Южном Кавказе во многом определяется отношениями между НАТО и Россией.

В этой статье с помощью обзора литературы и интервью с экспертами обсуждается вопрос о том, существует ли в настоящее время «Новая большая игра». Чтобы создать теоретическую и концептуальную сцену, первым делом нужно понять, что подразумевается под соперничеством за власть и

---

¹ Sergey Markedonov, "Russian Policy Toward the South Caucasus: Security, Unity, and Diversity," in *The New Geopolitics of the South Caucasus: Prospects for Regional Cooperation and Conflict Resolution*, ed. Shireen T. Hunter (Lanham, MD: Lexington Books, 2017), 127-153.

² Sarah O'Hara, "Great Game or Grubby Game? The Struggle for Control of the Caspian", *Geopolitics* 9, no. 1 (2004): 138-160.

³ Sergey Markedonov, "NATO Looks to the Caucasus," *National Interest*, May 17, 2012, <https://nationalinterest.org/commentary/nato-looks-the-caucasus-6933>.

⁴ Joshua Bartlett and Nino Samvelidze, "Turkey and the South Caucasus: Prospects and Challenges for Cooperation," February 23, 2016, <http://oval.az/turkey-and-the-south-caucasus-prospects-and-challenges-for-cooperation/>.

влияние. Это включает в себя краткое определение того, что входило в «Старую большую игру» в качестве отправной точки для текущей ситуации. В статье излагаются перспективы и участие в делах региона России и НАТО – основных иностранных государств, борющихся за влияние, сложность нынешнего состояния взаимодействия трех стран, составляющих Южный Кавказ, и основных внешних игроков России и НАТО, прежде чем, наконец, перейти к дискуссии о том, существует ли «Новая большая игра» на самом деле. Если да, то также возникает вопрос, каковы сходства и различия со «Старой большой игрой»? Мы использовали метод сравнительного анализа, чтобы прийти к более правдоподобным результатам, обеспечивающих лучшее будущее региона. Для получения окончательных ответов были использованы сравнительный анализ, синтез, индуктивные и дедуктивные методы.

Соперничество за власть и влияние в регионах и «Старая большая игра»

Изучать международные отношения и понимать события, тенденции и процессы нам позволяют различные теоретические подходы. Хотя существуют такие устоявшиеся теоретические линзы как реализм, конструктивизм, марксизм, феминизм и другие,⁵ в качестве средства для осмысления этого тематического исследования был выбран неолиберализм. Взвешивание плюсов и минусов, такие соображения как специфика вопроса, например, изучение влияния международных институтов на политику безопасности и международные отношения, дает инструменты, с помощью которых можно вникнуть в роль, которую НАТО играет по сравнению с Россией на Южном Кавказе, где преобладает глобальная политическая гегемония либеральной демократии. Либерализм имеет тенденцию расширять зону своего влияния, что в контексте данной статьи может привести к конкуренции или конфликту, поскольку Россия рассматривает этот регион как зону своих интересов и зону своего влияния.

В качестве теоретического подхода к международным отношениям неолиберализм опирается на концепции рациональности и договоренностей, акцентируя внимание на центральной роли, которую играют институты и организации в сфере международной политики. Эти организации постоянно взвешивают политические интересы и действуют как баланс между основанным на правилах взаимодействием и неограниченным использованием политической силы. Одно из основных критических замечаний к неолиберализму исходило от неореалистов, утверждающих, что либералы недооценивают роль внутренней политики в международной политике и

---

⁵ Tim Dunne, Milja Kurki, and Steve Smith, eds. *International Relations Theories: Discipline and Diversity* (Oxford: Oxford University Press, 2007), 392; Steve Smith, Amelie Hadfield, and Tim Dunne, *Foreign Policy: Theories, Actors, Cases* (New York: Oxford University Press, 2008), 572.

международном сотрудничестве. Эта критика была принята неолиберальным лагерем. Сейчас внимание направлено на проблему влияния в рамках международной институциональной системы, основанной на правилах, как контрапункт взаимодействия, основанного на силе. Неолибералы подходят к институтам с точки зрения договорных отношений, в рамках которой они используются как «решения» данной проблемы коллективных действий. Следовательно, логически организация начинает процесс идентификации и выделения стратегической проблемы, которую необходимо решить,⁶ и начинает коммуникацию о ней. В чем тогда проявляется конкуренция за власть и влияние в регионах?

Один часто цитируемый исторический пример, который иногда используется в качестве критерия для современных событий и процессов, это Большая игра. Скотт отмечает, что термин «Большая игра» был первоначально придуман в 19 веке для описания геополитического соперничества между Российской и Британской империями.⁷ И Британская, и Российская империи считали свои действия и намерения в старой Большой игре «оборонительными» по своей природе. Великобритания стремилась сдержать территориальное наступление России, а Россия считала британскую угрозу столь же реальной по своей природе. Это была сложная игра интриг и ходов, цель которой – лишить противную сторону возможности завоевать новые территории и влияние. Говорят, что королева Виктория заметила: «Это вопрос русского или британского господства в мире».⁸ Могут ли эти комплексы целей и обстоятельств XIX века быть точной аналогией того, что происходит в настоящее время?

Однако некоторые считают, что современные аналогии с Большой игрой используются слишком преувеличено, а в некоторых случаях даже вводят в заблуждение. Первоначальная Большая игра 19-го века касалась классического империализма и территориальных аннексий, тогда как практика Новой Большой игры существенно различается, став «сокращением» для обозначения конкуренции за влияние, прибыль, власть и гегемонию.⁹ Чтобы ответить на вопрос, существует ли «Новая большая игра» или нет, необходимо изучить специфику Южного Кавказа, прежде чем переходить к действиям и мотивам, движущим Россией и НАТО.

---

⁶ Eric Shiraev and Vladislav Zubok, *International Relations*, 2nd ed. (New York: Oxford University Press, 2016), 87-88; Lisa L. Martin, "Neoliberalism," in *International Relations Theories: Discipline and Diversity*, ed. Tim Dunne, Milja Kurki, and Steve Smith (Oxford: Oxford University Press, 2007), 110-126.

⁷ David Scott, "The Great Power 'Great Game' between India and China: 'The Logic of Geography'," *Geopolitics* 13, no. 1 (2008): 1-26.

⁸ David Fromkin, "The Great Game in Asia," *Foreign Affairs* 58, no. 4 (1980): 936-951, цитата на с. 950.

⁹ Edwards Matthew, "The New Great Game and the New Great Gamers: Disciples of Kipling and MacKinder," *Central Asian Survey* 22, no. 1 (2003): 83-102.

Интересы России в области безопасности на Южном Кавказе и политика расширения НАТО

С 18 века и до распада Советского Союза в 1991 году Россия была доминирующей державой в этом регионе. Данный регион составлял южную границу России, а позже и Советского Союза, и считался частью его «стратегического тыла» или «зоной привилегированных интересов», как называл его тогдашний президент Дмитрий Медведев. С точки зрения политики, экономики и безопасности, просто невозможно разделить связи и взаимное влияние между Россией (особенно Северный Кавказ) и Южным Кавказом.¹⁰ Споры по поводу автономных образований советской эпохи стали причиной войн в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии, что привело к экономической нестабильности и проблемам безопасности на Южном Кавказе. Эти продолжающиеся конфликты ослабили государства Южного Кавказа и дали возможность региональным и глобальным державам возобновить борьбу за влияние в регионе. Начиная с 1998 года, формирование региональных альянсов между Турцией, Грузией и Азербайджаном привело к более тесному сотрудничеству Ирана с Арменией и Россией.¹¹ В середине 2000-х термин «сферы привилегированных интересов» использовался с намерением обозначить отход от термина «влияние», поскольку он был гораздо более конкретным и идентифицируемым. Кроме того, политика отошла от идеологически ориентированного курса к курсу, основанному на повсеместном прагматизме.¹² В настоящее время Россия сталкивается с рядом различных иностранных игроков и организаций, стремящихся расширить свое влияние в регионе, таких как США, Турция, Иран, НАТО и Европейский Союз. С растущим расколом между Россией, с одной стороны, и США и ЕС, с другой в отношении Украины и Сирии, и эскалацией конфликта в Нагорном Карабахе, который может вовлечь региональные государства, Южный Кавказ вполне может стать третьим регионом для реализации стратегии окружения России.¹³

Чтобы обеспечить всесторонний анализ будущих вызовов расширению НАТО, необходимо также изучить роль России в ее так называемом «ближнем зарубежье» в плане противодействия расширению НАТО.

Россия сосредоточила внимание на расширении стратегических связей со своими соседями по СНГ, которые ей нужны для того, чтобы вновь стать

---

¹⁰ Tracey German, *Regional Cooperation in the South Caucasus: Good Neighbours or Distant Relatives?* (Farnham: Ashgate, 2012), 107.

¹¹ Orhan Gafarli, Arevik Anapiosyan, Khatuna Chapichadze, and Mehmet Fatih Öztarsu, "The Role of Global and Regional Actors in the South Caucasus," *Journal of Conflict Transformation*, June 2016, по состоянию на 16 апреля 2019, <http://caucasus-edition.net/the-role-of-global-and-regional-actors-in-the-south-caucasus/>.

¹² Dmitri Trenin, "Russia's Spheres of Interest, Not Influence," *The Washington Quarterly* 32, no. 4 (2009): 3-22.

¹³ Gafarli et al., "The Role of Global and Regional Actors in the South Caucasus."

великой державой. «Южный Кавказ, следовательно, является регионом критически важных национальных интересов для России, которая не может просто уклоняться от участия в его делах».¹⁴ В число факторов, которые позволяют (потенциально и в настоящее время) России быть более эффективным региональным игроком, входят исторические связи, институциональные и демографические преимущества, а также тот факт, что страна физически граничит с Южным Кавказом.¹⁵ После распада Советского Союза в конце 1991 года постепенно было создано несколько институтов, которые пытались в некотором роде заменить бывшее мега-образование. Такие институты, как Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский союз и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), исходили из предпосылки существования общей истории и общих интересов. Однако не все новые независимые государства приветствовали членство, поскольку считали, что эти институты возглавляются Россией и находятся под ее влиянием, а Россия воспринималась как бывшая колониальная держава.¹⁶ Некоторые авторы, например Абушов,¹⁷ утверждают, что политика России в отношении Южного Кавказа представляет собой неоимпериализм. Это имеет место, когда другой стране предоставляется независимость, но бывший сюзерен по-прежнему доминирует благодаря контролю над рынками товаров и сырья. Основная логика состоит в том, что Россия правила этим географическим пространством около 200 лет и не готова освободить его от своего влияния. Москва обладает военно-стратегическими, экономическими (особенно в области энергетики), а также внутренними и политическими рычагами воздействия на регион. Все три страны по-прежнему тесно связаны с российской экономикой через критически важную инфраструктуру, торговлю, инвестиции и денежные переводы от постоянной диаспоры и рабочих-мигрантов.¹⁸ Таким образом, Россия рассматривает Южный Кавказ как сферу своих интересов и неотъемлемую часть южной буферной зоны России. Это делает регион ареной для конкуренции России с Западом и, в некоторой степени, с двумя другими региональными государствами, Ираном и Тур-

---

¹⁴ Elkhan Nuriyev, "Facing Difficult Choices: The South Caucasus Between Russia and the European Union," *Digest RIAC*, <https://bit.ly/2SrnxJk>, 20 January 2015, по состоянию на 15 января 2019.

¹⁵ Mitat Celikpala, "Escalating Rivalries and Diverging Interests: Prospects for Stability and Security in the Black Sea Region," *Southeast European and Black Sea Studies* 10, no. 3 (2010): 287-302, цитата на с. 296.

¹⁶ Mikhail A. Molchanov, *Eurasian Regionalisms and Russian Foreign Policy* (Farnham: Ashgate, 2015), 23-47.

¹⁷ Kavus Abushov, "Policing the Near Abroad: Russian Foreign Policy in the South Caucasus," *Australian Journal of International Affairs* 63, no. 2 (2009): 187-212.

¹⁸ Khayal Iskandarov, *The South Caucasus-NATO Cooperation* (Riga: Lambert Academic Publishing, 2019), 57.

цией. В Военной доктрине России 2014 года обозначены наиболее серьезные военные риски и угрозы, с которыми сталкивается Россия. Вопросы, имеющие особое отношение к событиям на Южном Кавказе, включают расширение НАТО в районах, граничащих с Россией, размещение инфраструктуры НАТО в регионах, граничащих с Россией, и установление режимов в государствах, граничащих с Россией, политика которых угрожает интересам России.¹⁹ Однако, как уже говорилось, не только Россия борется за влияние на Южном Кавказе.

Еще одна организация, стремящаяся к влиянию, – это НАТО, институциональный механизм для возглавляемого США Запада для привлечения бывших стран восточного блока и бывших советских республик под знамена евроатлантической интеграции и обещания вывести их с геополитической орбиты России. Россия рассматривала наступление НАТО как нежелательное вторжение в «ее» пространство и приняла линию пытаться доказать, что эти страны являются «неподходящими» и «ненадежными» партнерами.²⁰ Как заявил российский исследователь Владимир Дегоев: «Запад должен понимать, что Россия имеет жизненно важный интерес к Южному Кавказу. Цели России и Запада в регионе совпадают. Но имеет место парадокс, что если НАТО станет соседом России на Южном Кавказе, мира в этом регионе никогда не будет. Поэтому некоторые российские политические круги различными способами пытаются воспрепятствовать сотрудничеству Южного Кавказа и НАТО. Россия прилагает усилия для включения всех стран Южного Кавказа как в ОДКБ, так и в ЕАЭС из-за своего геостратегического положения и природных ресурсов. Она хочет воссоздать прежний мировой порядок, в котором Москва снова играет важную роль, и ее стратегия состоит в том, чтобы культивировать страх перед Россией (в соответствии с исторической культурой России), чтобы заставить своих соперников подчиниться».²¹

Расширение НАТО, его дивиденды, ставки и последствия всегда занимали центральное место в западной политике. Рассматривались разные кандидаты на членство; несколько были приняты. Вопрос «Следует ли России вступать в НАТО?» также время от времени был предметом обсуждения в последнее десятилетие 20-го века. Тем не менее, в Москве было ощущение, что дверь в НАТО, временами открытая для других, навсегда закрыта для России. Членство России в НАТО не было серьезным вариантом, так как Москва считала альянс угрозой. Как сказал министр обороны Германии Фолькер Рюэ: «Россия не может быть интегрирована ни в Европейский Союз, ни в НАТО. Если Россия станет членом Североатлантического союза, это разрушит НАТО. Это было бы похоже на Организацию Объединенных

---

¹⁹ Gafarli et al., “The Role of Global and Regional Actors in the South Caucasus.”

²⁰ Anastassia Obydenkova and Alexander Libman, eds. *Autocratic and Democratic External Influences in Post-Soviet Eurasia* (Farnham: Ashgate, 2015).

²¹ Iskandarov, *The South Caucasus-NATO Cooperation*, pp. 57-58.

Наций в Европе – это не сработает». Гарднер утверждает, что НАТО не желает привлекать Россию в евроатлантическое пространство сотрудничества в качестве полноправного партнера; с другой стороны, в своей традиционной форме оно не выживет. По мнению России, в отношениях с НАТО существуют два фактора. Во-первых, Североатлантический союз по-прежнему представляет собой вызов интересам безопасности России. Во-вторых, Москва считает, что расширение НАТО до границ России отрицательно сказывается на проявлении роли России «Большого брата».²² Один автор заходит так далеко, что заявляет: «Можно утверждать, что само присутствие НАТО на Южном Кавказе и его отношения с тремя государствами косвенно привели к конфликту в 2008 году между Грузией и Россией и, следовательно, подорвали усилия по инициированию регионального сотрудничества, еще больше разделив уже разделенный регион».²³

Следует отметить, что период между вторым и третьим президентскими сроками Путина был относительно спокойным в отношениях России с Западом. В сочетании с перезагрузкой с Россией, начатой в 2009 году администрацией президента США Барака Обамы, другие императивы (война в Афганистане, ядерная программа Ирана, кризис в Ливии) взяли верх над расширением НАТО. В то же время недавно начавшиеся внутри России дебаты о внутренней политической и экономической модернизации показали перспективу возвращения России на путь демократизации и более тесных отношений сотрудничества с Западом. Вдобавок у НАТО не было необходимого консенсуса, чтобы добиться членства Грузии в Североатлантическом союзе после августовской войны 2008 года. В феврале 2010 года новая Военная доктрина России определила попытку НАТО расширить свою военную инфраструктуру на восток до границ России и добавить новых членов как ключевые проблемы национальной безопасности, а Медведев вновь заявил о своем неприятии бесконечного расширения НАТО.²⁴ Алексей Богатуров, заместитель директора Института проблем международной безопасности РАН, подчеркивает: «Россия не хочет возвращаться к политике конфронтации с Западом, но и не может согласиться с систематическими попытками тандема США-НАТО создать ситуацию абсолютного силового превосходства над Россией».²⁵ Третий срок Путина начался с явного противопоставления России и Запада как конфликта, движимого разными системами ценностей. Спустя два десятилетия после присоединения к идее единой, свободной и в мире с собой и своими соседями в Европе, Россия, в конце концов, отказалась от нее. Этот разрыв проявился и во внешней политике России, особенно в отношениях с бывшими советскими республиками. Опираясь на более ранние заявления России о сфере влияния и интересов, а

---

²² Iskandarov, *The South Caucasus-NATO Cooperation*, с. 14.

²³ German, *Regional Cooperation in the South Caucasus*, с. 152.

²⁴ Iskandarov, *The South Caucasus-NATO Cooperation*, с. 42.

²⁵ Iskandarov, *The South Caucasus-NATO Cooperation*.

также на опасность, которую представляет геополитическая экспансия Запада, Путин поднял значение евразийской интеграции, поставив объединение бывших советских государств вокруг России во главу своей внешнеполитической повестки дня на третий срок. В своем обращении 18 марта 2014 года, в котором президент Путин оправдал аннексию Крыма, он подчеркнул унижение, которое Россия испытала из-за ряда враждебных действий и невыполненных обещаний Запада, включая расширение НАТО на восток.²⁶

Действительно, чем больше НАТО расширяется, приближаясь к российской «сфере влияния», тем больше усиливаются российские военные провокации. По словам Лохшельдера, Россия все больше беспокоилась из-за расширения НАТО на восток и дала понять, что включение Грузии в Североатлантический союз будет рассматриваться как непоправимое нарушение стратегической стабильности в регионе. Доказательством этого утверждения является то, что Россия уже продемонстрировала, что Грузия находится в ее сфере влияния и поэтому способна разжечь замороженные конфликты, если она почувствует, что районы, находящиеся под ее покровительством, находятся под угрозой. Как это ни парадоксально, нежелание НАТО тесно сотрудничать со странами, стремящимися к вступлению в НАТО, также снижает региональную безопасность и способствует напористости России. Тедо Джапаридзе, председатель комитета по внешним связям парламента Грузии, высказал мнение, что если Грузию заставят ждать вне НАТО, Россия воспользуется ситуацией, а это мало что даст для безопасности и стабильности в регионе. Еще одно яблоко раздора – это в каком направлении расширение НАТО подтолкнет Россию. Можно отметить, что у России мало шансов восстановить прежнюю силу своей структуры обычных вооруженных сил из-за изменения ее политической системы и хрупкой экономики. Однако Россия все еще может угрожать существенным интересам НАТО. Курс Кремля зависит как от стратегии НАТО, так и от курса политики страны. Россия не видит необходимости в ядерном оружии США в Восточной Европе и обеспокоена расширением НАТО в сфере своего влияния, а именно в Грузии и Украине. Москва считает, что если эти страны станут членами НАТО, однажды там будут размещены баллистические ракеты, и поэтому Россия без колебаний примет соответствующие меры.²⁷

Также важно рассмотреть индивидуальный подход России к каждой стране Южного Кавказа. Армения является членом как ОДКБ, так и ЕАЭС, что делает ее полностью зависимой от России. Помимо политических последствий от этого, Россия с 1992 года поддерживает и периодически укрепляет свою 102-ю военную базу в Армении. База считается важным активом для проецирования власти в руках Москвы и предпосылкой ее политического и военного господства в регионе. Это поставило Армению в трудное положение, и ее глубокая уязвимость по отношению к России сказывается

²⁶ Iskandarov, *The South Caucasus-NATO Cooperation*, с. 43.

²⁷ Iskandarov, *The South Caucasus-NATO Cooperation*, с. 45-46.

на устойчивости других стран в регионе. Кроме того, создание совместных российско-армянских сил укрепляет военную мощь России в регионе, оставляя Еревану мало места для маневра. Более того, Россия обладает значительным влиянием в сфере обороны и безопасности Армении, что в нескольких случаях побуждало Ереван принимать импульсивные решения, противоречащие официально заявленной повестке дня.

Однако Москва, похоже, потеряла Грузию раз и навсегда после августовской войны 2008 года. Даже если это не так, для устранения ущерба потребуются огромные усилия в течение нескольких поколений. Более того, после агрессии России Грузия вышла из Содружества Независимых Государств (СНГ), последней постсоветской структуры, с которой она была связана. Изгнав Грузию из СНГ, Россия потеряла легитимность и влияние в Грузии, что усугубилось приостановкой дипломатических отношений.

Азербайджан также не хочет быть членом возглавляемых Москвой организаций. Тем не менее, если Азербайджан станет членом организаций, возглавляемых Москвой, Россия достигнет всех своих целей в отношении Южного Кавказа. Присоединяя Азербайджан, она сможет получить общую границу с Ираном и лишить Запад доступа в Центральную Азию, что пагубно скажется на дальнейшем участии НАТО в делах обоих регионов. Если Запад уступит Южный Кавказ России, его роль в качестве энергетического коридора и торгового моста между Европой и Азией предоставит Москве дополнительные рычаги влияния на ЕС и удержания жесткого контроля над более широким Черноморским регионом, в который входят несколько членов НАТО.²⁸

В Стратегии национальной безопасности, подписанной Путиным 31 декабря 2015 года, Соединенные Штаты и их союзники определены как основная угроза для России, поскольку Запад стремится удержать свое доминирующее положение в мире. Расширение НАТО продолжается быстрыми темпами и Североатлантический союз стремится к выполнению глобальной миссии. Согласно новому документу, НАТО подрывает международную безопасность, международное право и договоры о контроле над вооружениями; обретает новые военные возможности; и развертывает свою военную инфраструктуру все ближе к территории Российской Федерации, угрожая ее безопасности.²⁹ На постсоветском пространстве Грузия была одним из наиболее очевидных примеров того, что Запад переживает период конфронтации с Россией.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Военной доктрине Российской Федерации, Россия провозгласила право применять военную силу, когда это необходимо, в границах государств региона для обеспечения собственной безопасности. По мнению не-

---

²⁸ Iskandarov, *The South Caucasus-NATO Cooperation*, с. 58-59.

²⁹ Iskandarov, *The South Caucasus-NATO Cooperation*, с. 46-47.

которых экспертов, это указывает на то, что Россия остается источником военно-геостратегических угроз постсоветскому пространству, в частности, Каспийско-Черноморскому бассейну и Южному Кавказу. Более того, согласно анализу военных доктрин России 2010 и 2014 годов, будущая стратегия Москвы не предполагает тесного сотрудничества с НАТО. Таким образом, в Доктрине 2010 года глобализация НАТО является внешней угрозой номер один для безопасности России. В отличие от документа 2010 года, в доктрине 2014 года сотрудничество с НАТО не рассматривается как фактор стабильности, при этом характер упомянутых угроз остается прежним. В этом документе НАТО просто именовалось «потенциальным партнером» для равноправного диалога. Хотя конкретные названия стран не упоминаются, стратегия традиционной зоны влияния России является стержнем военной доктрины 2014 года. Таким образом, поскольку Армения следует линии правительства России, а нейтралитет Азербайджана не представляет никакой угрозы безопасности для России, единственной страной, в которой Москва пытается улучшить свой имидж, является Грузия. Учитывая провал политики жесткой силы, направленной на то, чтобы отговорить Грузию от ее прозападной ориентации, российские власти начали использовать так называемую мягкую силу в отношениях с Тбилиси. Понимая, что споры по вопросам внешней политики и безопасности бессмысленны, поскольку Грузия не собирается поступаться своей территориальной целостностью или менять свою политическую позицию в отношении НАТО и Европейского Союза, российская дипломатия пытается проводить политику диалога, основанной на принципе «согласие о взаимном несогласии» (когда ваш партнер действует в определенных рамках). По мнению сторонников этой идеи, России следует принять новую политику в отношении Грузии, такую, которая умерила бы приверженность Москвы к смене режима в Тбилиси, и вместо этого использовала бы прямые контакты с грузинским народом. В качестве примеров таких прямых подходов российские политологи привели видеобращение президента Барака Обамы, поздравляющее иранцев с праздником Навруз, и ослабление его администрацией ограничений на поездки и денежные переводы на Кубу. Цель этой новой политики – предотвратить дальнейшее отчуждение грузинских политических элит от России и помочь пророссийским (или, по крайней мере, нейтральным по отношению к России) силам прийти к власти во время следующего избирательного цикла. Некоторые прокремлевские аналитики заявляют, что такая политика лучше и выгоднее, чем оборонительная позиция.³⁰ Как эксперты видят мотивы и действия России?

25 января 2018 года один из авторов получил ответ по электронной почте от директора программ Российского совета по международным делам, д-ра Ивана Тимофеева. Он ответил, что для Российской Федерации на Юж-

---

³⁰ Iskandarov, *The South Caucasus-NATO Cooperation*, стр. 57-60.

ном Кавказе существует четыре внешнеполитических приоритета: 1) недопущение членства Грузии в НАТО; 2) укрепление статус-кво по Абхазии и Южной Осетии с одновременным повышением их эффективности с точки зрения государственного управления; 3) Развитие союза с Арменией без ухудшения отношений с Баку; 4) Избегание сильного влияния внешних игроков.

В другом интервью по электронной почте между автором и Сергеем Маркедоновым, экспертом по Кавказу кафедры региональных и внешнеполитических исследований Российского государственного гуманитарного университета, было сказано, что «Россия имеет три основных приоритета на Южном Кавказе. : 1) поддержка Абхазии и Южной Осетии как противовеса стремлениям Грузии на вступление в НАТО и ЕС; 2) балансирование между Арменией и Азербайджаном и участие в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта; 3) обеспечение своих интересов в бывших советских республиках Закавказья, как необходимое условие для мирного внутреннего развития на российском Северном Кавказе». Кроме того, Маркедонов отметил в письме:

Москва проводит политику «выборочного ревизионизма». Признав независимость Абхазии и Южной Осетии, Кремль предпочел не поддерживать чаяния непризнанной «Нагорно-Карабахской Республики». Укрепляя свои позиции регионального лидера, Россия активно сотрудничает с Западом в рамках Минской группы ОБСЕ. В отличие от Грузии, в позициях Москвы и Вашингтона по этому вопросу гораздо больше точек соприкосновения, и Москве удалось минимизировать вызовы своему региональному доминированию. Планы по дальнейшему расширению НАТО в регионе остаются замороженными, и Россия только усилила свою роль в качестве влиятельного посредника в Нагорно-Карабахском процессе. Москве также удалось обеспечить трансграничное и антитеррористическое сотрудничество, сдерживая джихадистские силы в Азербайджане (и даже в Грузии, хотя в последнем случае контакты довольно ограничены).³¹

Оба интервью очень четко раскрывают позицию России с точки зрения ее интересов и приоритетов. Это включает в себя сведение к минимуму влияния конкуренции за внешние источники на Южном Кавказе, особенно в отношении потенциального расширения НАТО. Это очень четко видно в рамках геополитической конкуренции за влияние в регионе, но такой, в которой Россия в настоящее время обладает преимуществом над своим предполагаемым соперником – НАТО.

Процесс расширения может сделать НАТО более устойчивым, повысив его способность сдерживать возможное внешнее нападение. Следовательно, членство потенциальных кандидатов было бы очень выгодным. Включение новых стран в ряды НАТО значительно повысило бы их военный

---

³¹ Email интервью, 19 января 2018.

потенциал. Однако такой подход может спровоцировать конфликт с Россией. Следует учитывать, что стратегические, экономические и идеологические возможности России влиять на состояние безопасности на Южном Кавказе намного сильнее, чем у любого другого игрока.³²

НАТО и Южный Кавказ: текущие и будущие перспективы

С 1994 года все три страны Южного Кавказа являются участниками программы НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ). Заявленная аргументация и логика для взаимодействия в регионе заключаются в том, что оно предназначено «для поддержки международных усилий по продвижению мер укрепления доверия для создания более благоприятных условий для разрешения конфликтов, в первую очередь путем оказания помощи государствам Южного Кавказа в создании институтов, которые лучше справляются с разнообразными вызовами безопасности, с которыми сталкивается каждая страна».³³ НАТО придает региону повышенное значение. Сам Альянс недоволен эскалацией напряженности на Южном Кавказе. Все три страны участвуют в Восточном партнерстве Европы, и безопасность в их окрестностях отвечает интересам НАТО. Однако по ряду причин со стороны НАТО было меньше усилий по активному содействию безопасности на Южном Кавказе.

Более того, у НАТО непоследовательная политика в отношении Южного Кавказа. Прежде всего, Альянс, похоже, старается не рассердить Россию. Российско-грузинская война и украинский кризис сделали Запад более сдержанным, и не ожидается, что экспансия на Южный Кавказ будет стоять в повестке дня НАТО в обозримом будущем. Однако мы можем предположить, что НАТО может играть роль противовеса России и способствовать общей интеграции региона в институты НАТО через свои программы и механизмы партнерства. Обсуждая перспективы сотрудничества стран Южного Кавказа и НАТО, необходимо учитывать региональные факторы. На саммите в Бухаресте в 2008 году президент России Владимир Путин расценил существование мощного военного союза в ее «ближнем зарубежье» как прямую угрозу национальной безопасности и национальным интересам России.

Несмотря на эту политическую риторику, президент Буш решительно поддержал предоставление Украины и Грузии ПДЧ в НАТО, в то время как Великобритания, Франция и Германия выступили против этой идеи.³⁴ По мнению Великобритании, хотя и Украина, и Грузия получили полную поддержку, вопрос о том, когда они присоединятся, должен оставаться в силе. Германия и Франция заявили, что, по их мнению, поскольку ни Украина, ни

---

³² Iskandarov, *The South Caucasus-NATO Cooperation*, с. 51-52.

³³ German, *Regional Cooperation in the South Caucasus*, с. 152-153.

³⁴ Steven Erlanger and Steven Lee Myers, "NATO Allies Oppose Bush on Georgia and Ukraine," *The New York Times*, <https://nyti.ms/1TGdayY>, April 3, 2008.

Грузия не были достаточно стабильны для участия в программе, план членства был бы ненужной обидой для России.³⁵ Германия по-прежнему настроена скептически, опасаясь, что присоединение Грузии втянет Атлантический альянс в конфронтацию с Россией. Таким образом, даже если это временно, России удалось предотвратить расширение НАТО к постсоветским границам с 2008 года и в обозримом будущем, потому что военное вмешательство России остается реальной угрозой для всех постсоветских стран в граничащих с ней.

НАТО может быть *sine qua non* (непременным условием) безопасности на Южном Кавказе. Однако это не означает, что страны Южного Кавказа должны быть полноправными членами. Наиболее многообещающим и, возможно, единственным средством устранения «дефицита безопасности» на Южном Кавказе является постепенное распространение программ НАТО на регион. Страны региона, включая Армению, теперь постепенно осознают, что их отношения с НАТО, по сути, связаны с тем, как выбирать, развивать и включать программы НАТО, которые совместно и все больше со временем изменяют картину региональной безопасности в целом.³⁶

По мере появления новых глобальных рисков, область безопасности расширяется в сторону нетрадиционных вопросов безопасности, которые требуют быстрой адаптации традиционных институтов, расширение их ответственностей, задач, а иногда и инструментов, имеющихся в их распоряжении. Важное место среди этих проблем занимает энергетическая безопасность. В настоящее время энергия стала более политизированной, превратившись в эффективное оружие принуждения, создавая непримиримые разногласия между владельцами и потребителями энергии. Поскольку НАТО признает, что энергетическая безопасность быстро становится все более серьезной проблемой для европейской безопасности и будет одной из самых важных будущих проблем для союзников, значение Южного Кавказа заметно возрастает. В результате политических трений в энергетических отношениях между ЕС и Россией весной 2006 года, а затем между Россией и Украиной в январе 2009 года, государства-члены призвали к участию НАТО в обеспечении энергетической безопасности.³⁷ Но отсутствие консенсуса среди членов не позволило НАТО расширить участие в обеспечении энергетической безопасности. Другие институты, такие как ЕС, должны сыграть ключевую роль и больше подходят для решения основных проблем инвестиций и повышения эффективности. Но и НАТО может внести позитивный вклад в энергетическую безопасность своих членов, да и вообще, во всем мире. Более того, отсутствие ясности в отношении роли НАТО и причин, стоящих за ней, особенно с точки зрения его географической роли, может

---

³⁵ Erlanger and Myers, "NATO Allies Oppose Bush on Georgia and Ukraine."

³⁶ Nasirov, Iskandarov, and Sadiyev, "The South Caucasus: A Playground between NATO and Russia?"

³⁷ Nasirov, Iskandarov, and Sadiyev, "The South Caucasus: A Playground between NATO and Russia?"

осложнить отношения НАТО со странами-партнерами и другими третьими сторонами (в данном случае с Россией). Важность обеспечения энергетической безопасности еще раз была подчеркнута и утверждена союзниками в ноябре 2010 года.

В пункте 13 Стратегической концепции НАТО признается возрастающая зависимость государств от «жизненно важных коммуникационных, транспортных и транзитных маршрутов, от которых зависят энергетическая безопасность, международная торговля и процветание».³⁸ Другие считают, что первостепенное значение Грузии и Азербайджана для НАТО – это защита коридора Южного Кавказа от российского влияния, обеспечение поставки энергоресурсов в Европу и ограничение взаимодействия между Ираном и Россией. Однако «Кавказ – это не только главный источник замороженных конфликтов, но и представляет собой предел для расширения НАТО на южный бастион России».³⁹ Различные интересы в сфере безопасности и восприятие угроз также усложняют регион для НАТО: Грузия рассматривает Россию как угрозу, Азербайджан – нет, а Армения является традиционным союзником. Основными препятствиями на пути к решающей роли НАТО в обеспечении энергетической безопасности в Каспийском регионе являются:

- Отсутствие средств и инструментов в распоряжении НАТО, что препятствует реализации намерений, выраженных в Стратегической концепции НАТО;
- Нежелание России участвовать в совместных деятельности с НАТО. Любые действия, которые предпримет Североатлантический союз, особенно с участием военных, могут спровоцировать реакцию России, чтобы уравновесить евроатлантическое присутствие в таком жизненно важном для защиты ее национальных интересов регионе;
- Разногласия внутри НАТО относительно готовности НАТО играть расширенную роль в обеспечении энергетической безопасности;
- Слабое сотрудничество с каспийскими партнерами по вопросам энергетической безопасности.⁴⁰

Однако постоянно растущая потребность в диверсификации источников энергии и в сотрудничестве в вопросах транзита энергии заставляет Запад

---

³⁸ Вступительное слово Е. Даниэль Кристиан Чобану, посла Румынии в Азербайджане, на Международном семинаре по обеспечению энергетической безопасности в Каспийском бассейне и роли НАТО в защите критически важной энергетической инфраструктуры, Баку, 22 ноября 2012 г.

³⁹ Paul Antonopoulos, Renato Velez, and Drew Cottle, “NATO’s Push into the Caucasus: Geopolitical Flashpoints and Limits for Expansion,” *Defence and Security Analysis* 33, no. 4 (2017): 366-379.

⁴⁰ Nasirov, Iskandarov, and Sadiyev, “The South Caucasus: A Playground between NATO and Russia?”

придавать очень большое значение региону Южного Кавказа (коридору Азербайджан-Грузия-Турция) как надежному транзитному маршруту, избегающему российскую и иранскую территорию. Нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум представляют собой шаг вперед в этом сотрудничестве, особенно в сочетании с предстоящими проектами TANAP и TAP. Дальнейшее развитие Каспийского региона окажет существенное влияние на мировой стратегический баланс и ключевой вопрос получения доступа к ресурсам Центральной Азии. США также приветствуют роль Южного Кавказа в обеспечении энергетической безопасности Европы, и Белый дом решительно поддерживает инициированный Азербайджаном проект Южного газового коридора, по которому газ «Шах Дениз II» будет доставляться европейским потребителям. Государственный секретарь Керри заявил, что «этот проект был очень важным шагом по отношению к долгосрочным стратегическим интересам Европы и, откровенно говоря, попыткой диверсифицировать источники энергии, что очень важно».⁴¹ В результате этой политики существующие инструменты и усилия для новых инициатив, направленных на диверсификацию энергоснабжения, улучшат энергетическую безопасность Европы и безопасность Североатлантического союза в целом. Роль НАТО здесь состоит в том, чтобы добавлять стоимость к энергетической безопасности ЕС и прокладывать путь к энергетической безопасности Североатлантического союза.

Учитывая стратегический характер региона, НАТО должно внимательно следить за развитием событий на Южном Кавказе как в политическом, так и в экономическом плане. Было отмечено, что НАТО предоставляет Западу средства и механизмы, позволяющие попытаться интегрировать регион в свою сферу, передавая принципы (ценности и нормы) демократического управления и верховенства закона,⁴² чтобы привести Южный Кавказ в соответствие с правилами либеральной демократии. Сущность общего подхода НАТО – это попытаться создать и поддерживать государства-единомышленники, чтобы сбалансировать общий исторический опыт и политику интересов России. Кроме того, Россия показала, что она использует замороженные конфликты и энергию в качестве инструментов, чтобы оттолкнуть НАТО от своих границ и ослабить его сплоченность. Если мы рассмотрим все страны на европейской периферии России, не входящие в НАТО, мы увидим, что только Финляндия, Швеция и Беларусь не имеют конфликтов на своей территории. Первые две – нейтральные страны, а последняя – член ОДКБ. Мы приходим к выводу, что членство для всех стремящихся к членству стран

---

⁴¹ Nasirov, Iskandarov, and Sadiyev, “The South Caucasus: A Playground between NATO and Russia?”

⁴² Pierre Jolicoeur and Frederic Labarre, “NATO’s engagement in the South Caucasus: Looking for Energy Security or Expanding Norms and Values?” in *Reassessing Security in the South Caucasus: Regional Conflicts and Transformation*, ed. Annie Jafalian (Farnham: Ashgate 2011), 163-167.

становится в обозримом будущем маловероятным, даже если вы принимаете желаемое за действительное. Однако это не обязательно означает, что НАТО должно оставаться в стороне по вопросу конфликтов, поскольку их дальнейшее существование является важным вопросом для общей архитектуры европейской безопасности.⁴³

В качестве ключевого участника НАТО Соединенные Штаты за 25 лет своего присутствия в регионе оценивают свое положение на Южном Кавказе как результат «важных», а не «жизненно важных» интересов. Они участвовали в некоторых позитивных изменениях в этом регионе, но также столкнулись с серьезными проблемами и препятствиями. «Однако некоторые инициативы, поддерживаемые США, оказались слишком амбициозными, поскольку в них недооценивались проблемы, с которыми сталкиваются государства Южного Кавказа, и отсутствовали адекватные ресурсы».⁴⁴ Кроме того, политика США должна бороться с доминирующим положением России в этом регионе и ее противодействием вмешательству США в регионе. Каждая из трех стран Южного Кавказа со временем претерпевает постепенные изменения, с периодическими моментами конфликтов и сотрудничества, на которые оказывает влияние внешнее воздействие. Это побудило некоторых комментаторов говорить о Новой большой игре, происходящей в регионе. Это мнение подкрепляется некоторыми недавними воинственными статьями, опубликованными в влиятельных газетах США, такими как статья Стивена Бланка (старший научный сотрудник Американского совета по внешней политике), опубликованной в вашингтонской газете *The Hill*. Бланк критикует то, что он называет «ошибочным лоббированием» внешней политики США на Кавказе, которое, как он полагает, приносит пользу российской политике и интересам там, поскольку не бросает вызов российской гегемонии. В конечном итоге он призывает США «обыграть русских в их собственной игре».⁴⁵ Жесткая риторика, подобная высказыванию Бланка, может усилить напряженность в регионе между США/НАТО и Россией, поскольку она, по-видимому, подтверждает для русских подрывные намерения Запада в регионе. Но это не дает ответа на вопрос, является ли восприятие политическими элитами НАТО/США и России своих интересов и безопасности одинаково актуальным и важным.

Чтобы понять политические и политические аспекты геополитической / геоэкономической ситуации на Южном Кавказе и в регионе в целом и то,

---

⁴³ Nasirov, Iskandarov, and Sadiyev, “The South Caucasus: A Playground between NATO and Russia?”

⁴⁴ Eugene Rumer, Richard Sokolosky, and Paul Stronski, *US Policy Toward the South Caucasus: Take Three*, Carnegie Endowment for International Peace, May 31, 2017, по состоянию на 12 января 2019, <https://bit.ly/2rbWK9A>.

⁴⁵ Stephen Blank, “US in the Caucasus: Beat the Russians at their Own Game,” *The Hill*, January 28, 2018, <https://thehill.com/opinion/international/370980-us-in-the-caucasus-beat-the-russians-at-their-own-game>, по состоянию на 30 августа 2019.

как события могут повлиять на прагматическое мышление и оценки, авторами также были опрошены по электронной почте ряд экспертов. Первое интервью по электронной почте было с руководителем отдела исследований Европейского геополитического форума, ранее работавшим в НАТО, Джорджем Никулеску. Его подробный ответ был получен 1 февраля 2018 года.

Конкуренция между НАТО и Россией на Южном Кавказе является лишь второстепенным фронтом по сравнению с основным направлением нынешней конфронтации между Россией и Западом. С одной стороны, с точки зрения Запада, Южный Кавказ в настоящее время гораздо менее важен, чем был в прошлом (просто сравните совместные заявления саммита НАТО в Стамбуле, 2004 г., и Варшаве, 2016 г.). С другой стороны, со стратегической точки зрения, если вы посмотрите на последние 200 лет истории вторжений против России (Наполеон, Гитлер) и, соответственно, против Восточной Европы (Сталин), регион Южного Кавказа был лишь маргинальным театром военных действий в отличие от стран Балтии, Белоруссии, Польши, Украины и Румынии, которые являются передней линией фронта. Это все еще заметно сегодня в том, как НАТО интерпретирует свой стратегический ответ на воспринимаемую агрессивность России в отношении Украины.

Интересы НАТО на Южном Кавказе довольно ограничены и в основном связаны с самоограниченной региональной ролью НАТО, которая в основном исчерпывается мягким сотрудничеством в области безопасности, например, реформами сектора обороны и безопасности. Эти интересы определяются следующими факторами:

1. НАТО переориентируется на сдерживание и защиту территории своих восточных членов от возрождающейся России;
2. Снижение стратегического приоритета региона после сворачивания операции ISAF в Афганистане;
3. Ограниченный интерес Европы к поддержанию безопасности энергетических потоков (нефти и газа) из Азербайджана в Европу через Турцию из-за снижения спроса на ископаемое топливо на европейских рынках и альтернативных энергетических проектов (включая возглавляемые Россией Турецкий поток и Северный поток 2).

Интерес НАТО к региону Южного Кавказа еще больше снизился из-за негласного взаимовыгодного российско-турецкого партнерства, которое в основном мотивируется сосредоточением внимания обеих сторон на разных направлениях: участие России в геополитической конфронтации с Западом из-за Украины и ее военное участие в сирийской войне, в то время как Турция была поглощена изменчивой эволюцией событий на Ближнем Востоке, особенно в Сирии и Ираке.

Однако геополитическая конкуренция между Россией и Западом за Украину может оказать негативное влияние на Южный Кавказ в будущем: либо она может превратить нынешнюю *де-факто* ситуацию в новую *де-юре*

геополитическую реальность (через «новый договор о европейской безопасности»), или это может подтолкнуть весь регион в водоворот нестабильности вокруг Украины. Три фактора кажутся решающими для этого анализа:

1. Прогресс России в обеспечении геополитического контроля над внешней политикой и политикой безопасности Украины может работать на первый вариант. В противном случае, столкнувшись с более сильным сопротивлением на Украине, Москве, возможно, придется расширить свою конфронтацию с Западом на Южном Кавказе.
2. Молчаливое согласие Турции с российским вторжением в Украину может также способствовать легализации статус-кво на Южном Кавказе, в то время как острая реакция Анкары через НАТО или напрямую может резко повысить риск нестабильности на Южном Кавказе.
3. Растущее отдаление ЕС от конфронтационной политики США против России также способствует первому варианту. Это может быть вызвано предполагаемой военной слабостью ЕС (усиленной Brexit-ом и озабоченностью угрозами и рисками безопасности Средиземноморья), его более сильными экономическими интересами (покупка энергии и экспорт промышленных товаров) в России, ожидаемым расширением торговли и инвестиций с Китаем в контексте инфраструктурных проектов «Один пояс, один путь», а также ненадежной и противоречивой политикой США (которая также подорвала само доверие к ведущей роли США в НАТО).

Таким образом, Южный Кавказ может стать хорошей отправной точкой для разговора о «новом соглашении по европейской безопасности» из-за:

1. Ограниченного интереса НАТО/США к региону;
2. Повышения интереса западноевропейских членов (Франция, Германия, Италия и Испания) к поиску достойного модуса вивенди с Россией;
3. Удобного партнерства Турции с Россией;
4. Собственного интереса России в нарушении западных санкций против ее вторжения в Украину и восстановлении торговых и инвестиционных отношений с ЕС (на двусторонней основе и через Евразийский экономический союз).

Некоторые важные наблюдения включают замечание о том, что происходящее на Южном Кавказе является частью более широкой геополитической и геоэкономической картины. Хотя Южный Кавказ рассматривается, как нечто второстепенное, это может измениться в зависимости от событий и обстоятельств стратегического порядка на конкуренцию и конфликт между Россией и НАТО. Таким образом, ситуация в регионе потенциально очень нестабильна, поскольку происходящее там не обязательно порождается ситуацией на Южном Кавказе. Другие эксперты видят ситуацию иначе.

Вторым человеком, с которым было взято интервью по электронной почте, был Магнус Гейр Эйолфссон, эксперт по вопросам общественной дипломатии и гражданского общества из Офиса связи НАТО в Грузии. Ответ по электронной почте был получен от него 2 февраля 2018 г.

С точки зрения НАТО, на Южном Кавказе определенно не имеет место «Новая большая игра». Для Североатлантического союза главное – обеспечение и сохранение мира по соседству с собственными границами. Политика НАТО в отношении Южного Кавказа закреплена в программах партнерства, действующих с середины 1990-х годов. Однако следует различать партнерство с Грузией, с одной стороны, и партнерство с Арменией и Азербайджаном, с другой.

НАТО считает Южный Кавказ стратегически важным для Североатлантического союза по многим причинам. Этот регион граничит с территорией государства-члена НАТО, а также предлагает полезные альтернативные варианты транзита для доставки грузов к и от сил под руководством НАТО в Афганистане.

Союзники и их партнеры на Южном Кавказе сталкиваются с одними и теми же вызовами безопасности, такими как терроризм и распространение оружия массового уничтожения. Энергетическая безопасность – еще один важный вопрос безопасности, вызывающий всеобщую озабоченность. Южный Кавказ находится на ключевых маршрутах транзита нефти и газа и обладает значительными собственными запасами нефти и газа.

Серьезную озабоченность вызывают затяжные конфликты в регионе. Хотя НАТО не стремится к непосредственному участию в разрешении этих конфликтов, Североатлантический союз поддерживает усилия других международных организаций, у которых есть конкретные мандаты на выполнение посреднических функций. Мирное разрешение конфликтов является одной из основных ценностей НАТО и лежит в основе обязательств, взятых на себя партнерами НАТО на Южном Кавказе, когда они присоединились к Партнерству ради мира.

Помимо сотрудничества в области наращивания оборонного потенциала и реформ, связанных с безопасностью и обороной, НАТО и его партнеры на Южном Кавказе работают вместе и в других областях, таких как безопасность границ, кибербезопасность, а также готовность к стихийным бедствиям и реагирование на них. Они укрепляют евроатлантическую и международную безопасность, мир и стабильность, способствуют региональной безопасности и сотрудничеству, а также продвигают демократические ценности и реформы. По сути, когда соседи живут в мире и стабильности, страны НАТО пользуются большей безопасностью. Кроме того, партнерство усиливает поддержку операций под руководством НАТО и, в некоторых случаях, подготавливает заинтересованные страны к вступлению в НАТО.

Одним из основных элементов партнерства является то, что соответствующая страна-партнер определяет уровень сотрудничества – темпы, мас-

штабы, интенсивность и направленность. НАТО полностью уважает суверенитет государств-партнеров и поэтому не навязывает странам-партнерам какие-либо элементы сотрудничества.

Противники расширения НАТО, которые последовательно утверждали, что оно бесполезно провоцирует Россию, слишком дорого обходится, ослабляет единство Североатлантического союза и отвлекает НАТО от его первоначальной миссии, будут утверждать, что еще не поздно остановить этот процесс или, по крайней мере, его следует приостановить. После множества обещаний, данных лидерами Североатлантического союза как индивидуально, так и через Альянс, дверь в НАТО все еще остается открытой. Решение о прекращении процесса нанесло бы серьезный ущерб авторитету НАТО и подорвало бы его репутацию во всех регионах, где есть страны желающие вступить в НАТО. Понятно, что сегодня многие союзники по-прежнему неоднозначно относятся к будущему расширению. Нынешние претенденты сталкиваются с серьезными проблемами. Несмотря на обещание на саммите НАТО в Бухаресте в 2008 г., что Грузия станет его членом, многие столицы стран-союзников испытывают глубокие подозрения в отношении серьезности этого заявления. Однако следует отметить, что во время дебатов о расширении НАТО в 1990-х годах политики в союзных столицах, в том числе в Вашингтоне, высмеивали идею присоединения стран Балтии к Североатлантическому союзу, утверждая, что такой шаг был слишком провокационным и дестабилизирующим. Они были не правы. Безопасность, стабильность и предсказуемость в результате включения стран Балтии в НАТО – вот что позволило нормализовать отношения между этими бывшими советскими республиками и Россией. В то время на территории каждой из этих стран также находились российские войска. Сегодня Эстония подписала договор о границе с Россией, Латвия сотрудничает с Россией по облегчению транзита в Афганистан, а Владимир Путин приветствовал лидеров Литвы в Москве. Таким образом, после того, как Северная Македония будет принята в НАТО, союзники пересмотрят список некоторых других стран кандидатов, для которых членство в настоящее время является несбыточной мечтой.⁴⁶

Были также затронуты некоторые наблюдения Никулеску, такие как влияние процессов и событий, внешних по отношению к региону, и геополитические и геоэкономические аспекты участия НАТО в делах региона. Тем не менее, качество описанного партнерства предполагает взаимоотношения, при которых НАТО передает знания и ценности соответствующим странам Южного Кавказа. Существует решительное отрицание какой-либо новой Большой игры, вызывающее некоторые негативные коннотации, связанные с историей 19-го века. Замечание о возможном будущем членстве стран Южного Кавказа, вероятно, усилит некоторые представления о геополитической «игре», происходящей в регионе, которая ведется против целей и

---

⁴⁶ Iskandarov, *The South Caucasus-NATO Cooperation*, pp. 52-53.

интересов России. Эйлофссон реально описывает большое разнообразие отношений и уровней взаимодействия между НАТО и тремя странами, у которых совершенно разные национальные интересы и цели.

«Новая Большая игра» на Южном Кавказе?

Согласно его стратегическим концепциям, основной интерес НАТО на Южном Кавказе заключается в поддержании безопасности посредством сотрудничества и в обеспечении доступа к энергетическим ресурсам Каспия. После того, как Болгария и Румыния присоединились к НАТО в 2004 году, а затем к Европейскому союзу в 2007 году, Южный Кавказ стал рассматриваться как новый рубеж для НАТО и всей структуры европейской безопасности.⁴⁷ Кроме того, для НАТО и его членов роль Южного Кавказа чрезвычайно высока и с точки зрения евразийской безопасности. По словам Тамаза Папуашвили, Южный Кавказ является центром экономических интересов и важным транспортным коридором. Интерес к региону подогревали и другие факторы. Прежде всего, это его природные ресурсы (бассейн Каспийского моря) и близость к трем крупным и амбициозным евразийским государствам: России, Турции и Ирану. Регион играет важнейшую роль транспортного и энергетического коридора. Сегодня Европа сильно зависит от российской нефти и природного газа. Однако ЕС настроен предотвратить использование Россией энергии в качестве инструмента принуждения, и Каспийский бассейн имеет первостепенное значение в этой политике.⁴⁸ Коридор Азербайджан-Грузия-Турция является важным стратегическим звеном между Европой и Центральной Азией, бросая вызов нынешней энерго-ресурсной мертвой хватке России. Этот коридор включает добычу и транспортировку углеводородов.

Пути трех республик Южного Кавказа различались с точки зрения их геополитической ориентации, при этом Армения является членом ОДКБ, полностью зависит от России и имеет наименьший интерес к отношениям с НАТО среди стран Южного Кавказа, Азербайджан придерживается независимой от великих держав политики, а Грузия демонстрирует пронатовскую позицию. Отсутствие дипломатических отношений между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорно-Карабахского конфликта, то, что нет присутствия НАТО и растущая напористость России в регионе являются центральными элементами понимания проводимой в регионе политики. Из этой политики мы понимаем, что Южный Кавказ – это сложная игровая площадка между Россией и НАТО. Хотя роль НАТО ограничена, Россия очень активно участвует в делах этого региона, как показывают недавние и продолжающи-

---

⁴⁷ Markedonov, "NATO looks to the Caucasus."

⁴⁸ Eric S. Thompson, *Turkish Influence in the South Caucasus and Levant: The Consequences for NATO and the EU* (Monterey, CA: Naval Postgraduate School, 2013), 37. Retrieved from <https://bit.ly/2JC3KWB>.

еся конфликты, и долгое время сохраняет значительные рычаги воздействия и влияние в регионе. После распада Советского Союза Россия была настроена доминировать над постсоветскими странами и объявила эту стратегию приоритетом своей внешней политики. Присутствие России в регионе явно ощущается, в том числе ее военное присутствие в Армении и в отколовшихся субъектах Грузии.

Тем не менее, то, как общие интересы могут быть преобразованы в совместные возможности, зависит не только от политики России в отношении Южного Кавказа, но и от того, как будут развиваться отношения Россия-НАТО. Вот почему интересы национальной безопасности и внешнеполитические цели этих государств должны быть частью переговорного процесса, несмотря на их позицию в отношении России и НАТО.⁴⁹ Некоторые комментаторы отмечают, что будущее Южного Кавказа зависит от его способности преодолеть геополитическое соперничество иностранных игроков, имеющих влияние в регионе, и установить функциональные рабочие отношения с этими ключевыми игроками.⁵⁰

Однако функциональные рабочие отношения между конкурирующими державами в настоящее время кажутся маловероятными по ряду причин. НАТО и США работают над уменьшением физического присутствия и влияния России в регионе с помощью таких высоких идеалов, как права человека, верховенство закона и демократия. Наблюдается значительный диссонанс в том, как характеризуются союзники и противники по этим вопросам. Ситуация привела к обвинениям со стороны России в двойных стандартах и в том, что США непримиримо враждебны российским интересам. Одним из институциональных механизмов, который был приведен в качестве примера, является формат ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова), который Ливен охарактеризовал как антироссийский пакт, спонсируемый США.⁵¹ Ван дер Пейл⁵² добавляет, что ГУАМ был создан для интеграции структур безопасности Азербайджана и Грузии в структуры евроатлантической безопасности путем поощрения стран к выходу из ОДКБ. Решающим моментом при формулировании будущего участия НАТО в регионе является то, что членство в НАТО не является проблемой. Широкий спектр программ НАТО служит для изменения общей картины региональной безопасности – как с членством, так и без него. ПрМ – бесценный инструмент в

---

⁴⁹ Nasirov, Iskandarov, and Sadiyev, “The South Caucasus: A Playground between NATO and Russia?”

⁵⁰ Martin Kremer, “European Partnership and the South Caucasus: Framework Condition for a Grand Bargain in 2025?” in *Future Scenarios for the South Caucasus*, Caucasus Analytical Digest No. 19 (13 August 2010): 15-17.

⁵¹ Anatol Lieven, “The (Not So) Great Game,” *The National Interest* 58 (Winter 1999/2000): 69-80.

⁵² Kees van der Pijl, “Global and Local Rivalries in NATO’s push towards the Caucasus,” *Spectrum: Journal of Global Studies* 1, no. 1 (2009): 33-52.

наведении политических и военных мостов между членами НАТО и странами-партнерами.⁵³ Благодаря своей деятельности ПрМ оказалась очень успешным механизмом в продвижении и развитии оборонного сотрудничества и военного взаимодействия между НАТО и странами Южного Кавказа.

Тем не менее масштабы и глубина сотрудничества с Азербайджаном и Грузией иного порядка, чем с Арменией. Наибольшая степень проникновения влияния западных институтов считалось, что имеет место в Грузии, вплоть до войны 2008 года, когда президент Грузии Михаил Саакашвили попытался вернуть Южную Осетию с помощью военной силы, что вызвало решительную и жесткую реакцию России, направленной на то, чтобы пресечь эту геополитическую тенденцию.⁵⁴ Грузия однозначно заявляла, что стремится к членству в НАТО с 2003 года, когда Саакашвили пришел к власти, до августа 2008 года, когда разразилась война. В результате этой войны Грузия стала более осторожной в отношениях с Россией. С тех пор прошло много времени; тем не менее, Грузия не так близка к членству в НАТО, как десять лет назад, до августовской войны, несмотря на активное участие в операциях НАТО и твердую репутацию в соблюдении военных и политических стандартов Североатлантического союза. Фактически, Россия продемонстрировала свое постоянное присутствие в регионе своими военными действиями в Грузии. В то же время НАТО продемонстрировало всем странам Южного Кавказа, что не желает воевать с Россией ради территориальной целостности Грузии, как бы она ни хотела вступить в НАТО.

Этот сигнал был немедленно и аккуратно прочитан внимательным Азербайджаном, который впоследствии усилил многовекторность своей внешней политики на фоне геополитического соперничества в регионе и в 2011 году присоединился к Движению неприсоединения (ДН).⁵⁵ Став членом ДН, Азербайджан заявил, что на данный момент не стремится к членству ни в НАТО, ни в ОДКБ. Однако Азербайджанская Республика, с ее растущим международным авторитетом, придает большое значение развитию своих отношений с НАТО. Сегодня международные эксперты высоко оценивают шаги, предпринимаемые Азербайджаном в обеспечении региональной и глобальной безопасности, отстаивании своих интересов на взаимной основе.⁵⁶ Азербайджан считается самым надежным партнером НАТО в регионе, хотя у него нет прямого намерения вступать в Североатлантический союз. «Азербайджан – один из самых важных, активных и долгосрочных

---

⁵³ Nasirov, Iskandarov, and Sadiyev, "The South Caucasus: A Playground between NATO and Russia?"

⁵⁴ Van der Pijl, "Global and Local Rivalries in NATO's push towards the Caucasus."

⁵⁵ Nasirov, Iskandarov, and Sadiyev, "The South Caucasus: A Playground between NATO and Russia?"

⁵⁶ Nasirov, Iskandarov, and Sadiyev, "The South Caucasus: A Playground between NATO and Russia?"

партнеров НАТО. Мы активно развиваем политический диалог с Баку» – заявил помощник генерального секретаря НАТО Сорин Дукару, выступая на конференции, посвященной 20-летию программы «Партнерство ради мира» 11 апреля 2014 года.⁵⁷ Как надежный партнер НАТО, Азербайджан сотрудничает с Североатлантическим союзом во многих областях, включая борьбу с терроризмом, региональную безопасность и вклад в международную безопасность, в частности оказание поддержки Азербайджаном операциям НАТО. В этом отношении Азербайджан стремится к достижению военных стандартов и сближению с военными институтами НАТО. Политические приоритеты и интересы безопасности НАТО перекликаются с национальными интересами Азербайджана. Дальнейшее совершенствование многосторонних отношений – главный гарант мира и безопасности в регионе.

Аргументы в пользу отношений Южный Кавказ и НАТО можно сгруппировать следующим образом:

- Повышают уверенность в безопасности Южного Кавказа;
- Обеспечивают безопасность добычи и транспортировки нефти и газа;
- Наиболее важные проблемы в регионе, так называемые «замороженные конфликты», могут быть решены мирным путем;
- Вооруженные силы становятся оперативно совместимыми с силами НАТО.

Если сотрудничество Южного Кавказа и НАТО является гарантом безопасности региона, то в свете этого необходимо проанализировать характер всех возможных опасностей. Итак, какие опасности существуют в регионе? Сам факт, что политика Запада в регионе поддерживает его энергетические цели, означает, что она уже вступает в противоречие с национальными интересами России. Очевидно, что в нынешней социально-политической ситуации возможные опасности, скорее всего, исходят от стран, чьи экономические и политические интересы противоречат интересам НАТО. Таким образом, чтобы понять природу угроз, необходимо определить области конфликта интересов. Каспийские нефтегазовые месторождения – первая и главная причина. В этой области интересы НАТО серьезно противоречат интересам России, и последняя десятилетиями использует «замороженные конфликты» для того, чтобы держать регион и его нефтегазовую инфраструктуру под угрозой. Фактически, эти конфликты, перемежаемые многочисленными асимметричными угрозами в регионе, создают сложную обстановку на восточном фланге НАТО. Россия ведет двойную игру на Южном Кавказе, одновременно стабилизируя и дестабилизируя регион.

С одной стороны, есть Россия, посредник в конфликтах, которая способствует прекращению огня и стремится урегулировать конфликты на Южном Кавказе через свой мандат сопредседателя Минской группы ОБСЕ. С другой

---

⁵⁷ Khayal Iskandarov, "The Road of Integration of Azerbaijan into NATO (1994-2014)", *The Caucasus and the World* 19 (2015): 85-90.

стороны, есть Россия, которую некоторые считают провокатором. После взаимных провокаций, приведших к войне с Грузией в 2008 году, Россия признала два сепаратистских региона Грузии независимыми государствами и до сих пор в военном плане присутствует на этих территориях.⁵⁸ Россия использует определенные рычаги давления для поддержания замороженных конфликтов и «управляемой нестабильности», таких как продолжающееся присутствие российских сил безопасности в регионе, которое обслуживает геоэнергетические интересы и сохранение геополитического статус-кво в регионе.⁵⁹ Нуриев отмечает, что «Москва явно продолжает влиять на государства Южного Кавказа различными тонкими способами, чтобы организовать сценарий урегулирования конфликта, который будет не только служить стратегическим интересам России, но и, в конечном итоге, удовлетворить Армению, Азербайджан, и Грузию. Такая региональная перспектива лучше всего иллюстрирует широкие интересы России, среди которых Евразийский союз Путина является лишь одной из важных частей».⁶⁰

Политика и действия России на Южном Кавказе направлены на предотвращение или ограничение влияния других иностранных игроков в регионе, когда оно рассматривается как противоречащее ее безопасности и ее экономическим интересам.⁶¹ Сегодня Россия обвиняет НАТО в дестабилизации кавказского региона совместными учениями в Грузии, но сама разместила постоянные военные базы в Армении, а также в сепаратистских регионах Южной Осетии и Абхазии. Ободренная поддержкой России, Армения по-прежнему держит Нагорный Карабах под своим влиянием. Однако у Запада нет эффективного политического или военного инструмента, чтобы уравновесить вооруженные силы России в Армении. Несбалансированное и подавляющее российское военное присутствие в Армении создает угрозу планируемыми западным нефтегазовым инфраструктурам и трубопроводам.⁶² До сих пор, Россия использовала свою роль посредника для продвижения собственных интересов, а не для фактического разрешения конфликтов. Пока три государства Южного Кавказа разделены, Россия может влиять на них. Не секрет, что конфликты на Южном Кавказе служат России в качестве политического рычага давления на Грузию, Армению и Азербайджан. Короче говоря, Россия применяет политику «разделяй и властвуй» через затяжные конфликты. Действительно, нынешний статус-кво явно выгоден интересам

---

⁵⁸ Nasirov, Iskandarov, and Sadiyev, "The South Caucasus: A Playground between NATO and Russia?"

⁵⁹ Abushov, "Policing the Near Abroad: Russian Foreign Policy in the South Caucasus."

⁶⁰ Nuriyev, "Facing Difficult Choices: The South Caucasus Between Russia and the European Union."

⁶¹ Markedonov, "Russian Policy Toward the South Caucasus: Security, Unity, and Diversity."

⁶² Mahir Khalifazadeh, "The South Caucasus: Obama's Russia 'Reset' and Putin's Doctrine," *CESRAN International*, <https://bit.ly/2TjADNi>, July 27, 2014.

России, которая сохраняя экономическую и военную сферу влияния, не позволяет ни одной из стран Южного Кавказа смотреть в сторону НАТО.

Существуют разные академические аргументы как за, так и против предположения о том, что в настоящее время на Южном Кавказе идет Новая Большая игра. Сначала мы просуммируем изменения в среде, которые потенциально могут поддержать тезис о Новой Большой игре. Тренин заявляет, что политика России в отношении Северного и Южного Кавказа была сосредоточена на подавлении мятежа в Чечне, что, как считалось, в основном было выполнено к 2004 году.⁶³ Все остальные вопросы рассматривались как второстепенные или третьестепенные. После того, как Чечня была в значительной степени умиротворена, цели изменились, и они были сосредоточены на противодействии распространению западного и американского влияния в Содружестве Независимых Государств. «С этой точки зрения Армения выступала в качестве регионального оплота и базы политики безопасности России; Грузия – проамериканская имплантация в сфере влияния России; и Азербайджан, номинально нейтральное поле битвы в российско-американском соперничестве».⁶⁴ Эта ситуация создает условия для продолжающейся конкуренции за влияние в регионе, особенно по энергетическим вопросам и геополитическим сферам влияния. Старая Большая Игра включала в себя попытку ограничить территориальную экспансию и влияние одной Империи, что рассматривалось как прямая угроза другой Империи.

Еще в 1994–1995 годах некоторые теоретики предположили, что началась Новая Большая игра. Логика этой Новой Большой игры возникла в результате распада Советского Союза, в результате чего образовался вакуум безопасности и влияния, а это означало, что множество «новых» территорий было открыто для возможных внешних игроков. Тем не менее, было высказано некоторое предостережение в применении этой общей аналогии абсолютно ко всей картине, поскольку в СНГ имелись региональные различия и вариации. Одно из отмеченных отличий заключается в том, что в первоначальной Большой игре местным элитам уделялось мало внимания, кроме их использования в качестве подставных лиц и прокси-субъектов в соперничестве. «Новая Большая игра» продолжает попытки манипулировать местными элитами; однако у местного населения гораздо более сильно выражено чувство самоидентификации (даже если оно не является последовательно национальным).⁶⁵ Наблюдалась и другие отличия и нюансы:

---

⁶³ Dmitri Trenin, "Russia in the Caucasus: Reversing the Tide," *The Brown Journal of World Affairs* 15, no. 2 (Spring-Summer 2009): 143-155.

⁶⁴ Trenin, "Russia in the Caucasus: Reversing the Tide."

⁶⁵ Ian Cuthbertson, "The New Great Game," *World Policy Journal* 11, no. 4 (Winter 1994/1995): 31-43.

- В оригинальной «Большой игре» участвовали не только армии, но и европейские авантюристы, стремящиеся проникнуть и контролировать ранее неизведанные территории.
- Движущей силой процесса было не только стремление к территориальной экспансии и военному превосходству, но и сильное желание открыть новые сферы торговли и новые рынки. Поэтому он включал не только дипломатический маневр, но и коммерческое проникновение. В Новой Большой игре помощь маскируется под инвестиции и является средством участия в региональных делах, где торговля является средством экономического вознаграждения или принуждения.
- Старая Большая Игра включала в себя две соперничающие державы с параллельной, но несмежной границей, расширяющихся навстречу друг другу над тем, что считалось ничейной землей. Новая Большая игра включает Россию, стремящуюся сохранить влияние против западных держав, чтобы сохранить буферную зону.⁶⁶

Эти наблюдения раскрывают некоторые тонкие отличия, которые существуют между Старой и Новой Большой игрой, а также то, как начиналась и велась борьба за превосходство. Катбертсон делает дополнительное наблюдение, касающееся различных способов ведения Новой Большой Игрой. «Если политика Москвы в странах Балтии раскрывает поведение России в его самой изощренной форме, то в Закавказье российская мощь проявляет себя наиболее откровенно и оскорбительно. Здесь Россия играет в новую Большую игру со всем размахом, чутьем и безжалостностью, которые она проявляла, завоевывая свою империю в 19 веке».⁶⁷ Другие ученые делают высказывания, которые частично совпадают с наблюдениями Катбертсона. Для государств Южного Кавказа существует ряд ограничений и сдержек, как исторических, так и современных, которые ограничивают их свободу действий. Андерсон отмечает, что регион стал классической буферной зоной, с некоторыми параллелями с оригинальной Большой игрой, где могущественные государства разграничили регион для своих собственных целей. «Таким образом, в регионе в качестве буферной зоны существует постоянная опасность фрагментации и сотрудничества или, что более вероятно, подчинения региональной или внешней державе».⁶⁸ Другие теоретики и комментаторы считают эту аналогию преувеличенной.

---

⁶⁶ Cuthbertson, "The New Great Game."

⁶⁷ Cuthbertson, "The New Great Game," с. 35.

⁶⁸ Ewan Anderson, "NATO Expansion and Implications for Southern Tier Stability," in *Crossroads and Conflict: Security and Foreign Policy in the Caucasus and Central Asia*, ed. Garry K. Bertsch, Cassidy B. Craft, Scott A. Jones and Michael D. Beck (New York: Routledge, 2000), с. 130.

Анатолий Ливен не придает большое значение аналогии с Большой игрой, потому что «значение Каспийского региона для американской внешней политики сильно преувеличено». ⁶⁹ Только распад Советского Союза позволил США начать принимать участие в делах этого региона. На изменение подхода США в середине 1990-х годов повлиял ряд факторов, таких как запасы нефти и газа в регионе, ухудшение отношений между США и Россией, рост нестабильности в России и укрепление связей между США и Турцией. Результатом этих факторов «стала амбициозная стратегия попытки «вытеснить» российское влияние в регионе и заменить его новой, более мягкой американской гегемонией». ⁷⁰ Другие ученые также отмечают, что распад Советского Союза в 1991 году открыл возможность для США и Западной Европы получить доступ к запасам энергии, которые оцениваются по прогнозам как огромные. ⁷¹ Ливен увидел не столкновение армий и дипломатов с целью раздела и оккупации территории ради достижения экономического и военного преимущества, а скорее попытку «завоевать» страны путем распространения норм и ценностей, чтобы сделать их более похожими на США и чтобы США получили геополитическое и геоэкономическое превосходство через осуществление влияния.

В отличие от подхода США / ЕС, который пытается изменить ценности и нормы региона, что потенциально представляет угрозу для политической и экономической элиты региона, Россия применяет подход, обеспечивающий стабильность режима. В результате, чем больше Запад пытается «демократизировать» регион, тем больше вероятность того, что режимы в регионе повернутся к таким державам, как Россия и Китай, движимые инстинктом выживания. ⁷² «В этом соперничестве великих держав, Россия в настоящее время тактически переиграла НАТО на Кавказе и сделала практически невозможным сохранение постоянного присутствия альянса в регионе, несмотря на активные усилия США и Турции». ⁷³ Маркедонов отмечает, что растущая напряженность между возглавляемым США Западом и Россией в глобальном масштабе находит отражение на Южном Кавказе, где существует риск возникновения новых разногласий, и даже нельзя полностью исключить возможность конфликта. ⁷⁴

---

⁶⁹ Lieven, "The (Not So) Great Game."

⁷⁰ Lieven, "The (Not So) Great Game."

⁷¹ O'Hara, "Great Game or Grubby Game? The Struggle for Control of the Caspian."

⁷² Petar Kurecic, "The New Great Game: Rivalry of Geostrategies and Geoconomics in Central Asia," *Hrvatski Geografski Glasnik* 72, no. 1 (2010): 21-48.

⁷³ Antonopoulos, Velez, and Cottle, "NATO's Push into the Caucasus: Geopolitical Flashpoints and Limits for Expansion," с. 376.

⁷⁴ Sergey Markedonov, "Russian Policy Toward the South Caucasus: Security, Unity, and Diversity," 148.

Заклучение

Существует значительная разница в видимой ценности политики и влияния России и НАТО, в то время как Южный Кавказ считается критически важным для интересов и безопасности России. Пятидневная война в Грузии в 2008 году и аннексия Крыма в 2014 году показали, что Россия вернулась на международную арену с чувством целенаправленности и доказала свою напористость своими действиями. Ни Грузия, ни Украина не были предметом этих войн. Эти две страны послужили площадкой для большой геополитической игры, которая продолжается между Россией и Западом после распада Советского Союза. НАТО не встало на защиту Грузии в 2008 году, когда разразилась война, и вряд ли сделает это сегодня. Россия сделает все возможное, чтобы оказывать влияние в своем «ближнем зарубежье» и утвердить себя там в качестве доминирующей державы, как впрочем и везде на постсоветском пространстве. Южный Кавказ по своей близости к России занимает первое место в этом «ближнем зарубежье». Единственный способ для стран Южного Кавказа (Грузия и Азербайджан) решить окончательно свои проблемы, связанные с замороженными конфликтами, – это найти правильный баланс между НАТО и Россией, поскольку последняя не отказывается от своих политических амбиций в регионе. Но сотрудничество с НАТО имеет огромное значение для всех трех стран. А поскольку Армения является членом ОДКБ, Грузия и Азербайджан могут последовать линии действий, рассмотрев модели Швеции и Финляндии для расширения дальнейшего сотрудничества с НАТО.

Альянс может способствовать расширению азербайджано-грузинскому военному сотрудничеству для обеспечения мира и стабильности на Южном Кавказе в обозримом будущем посредством активных партнерских отношений, не требуя запроса о членстве. Поскольку каждое движение любой страны Южного Кавказа к членству в НАТО может вызвать негативную реакцию со стороны России, НАТО будет неохотно реагировать на все действия России, как это было во время грузино-российской войны 2008 года. Таким образом, тесное практическое сотрудничество с НАТО без стремления к членству улучшит обороноспособность как Азербайджана, так и Грузии. Такая стратегия снизит сохраняющуюся напряженность между Россией и Западом и может частично уравновесить военное присутствие России в Армении, а также в отколовшихся регионах Грузии. Европа уязвима для энергетического принуждения, и сотрудничество между Азербайджаном, Грузией и Турцией предлагает ей лучший вариант противостояния этому принуждению. Поддержание безопасности в регионе отвечает интересам стран-импортеров, транзитеров и экспортеров энергоресурсов, которым необходимо обеспечить безопасность своей промышленности и трубопроводной инфраструктуры. Поэтому регион Южного Кавказа следует рассматривать как буферную зону между НАТО и Россией до тех пор, пока не будут урегулированы «замороженные конфликты» и не будут реализованы все энергетические проекты. Выбор только одной стороны может только принести

Грузии и Азербайджану головную боль и усугубить кризисы, существующие на их территориях.

В более широкой стратегической картине и в ответ на исследовательский вопрос, который был поставлен в начале этой статьи, можно ли утверждать, что Новая Большая Игра действительно имеет место? Ответ – не просто да или нет, а более тонкая картина, которая попадает где-то посередине между этими крайностями. Соперничество иностранных государств за доминирование и влияние на Южном Кавказе явно прослеживается, особенно между сторонами, о которых идет речь в этой статье, а именно между Россией и НАТО. Действия другой стороны воспринимаются как в НАТО, так и в России, как провокационные, даже если соответствующие процессы и события происходят за пределами региона Южного Кавказа и требуют какого-то твердого политического ответа. Однако в нынешней Новой Большой игре, которая является спорным термином и явлением, есть некоторые существенные различия, составляющие саму основу конфликта и конкуренции великих держав. Старая Большая игра касалась столкновения двух великих держав из-за «незастолбленной» земли по мере того, как они постепенно приближались друг к другу. По сути, Новая Большая игра возникла из-за распада Советского Союза, который открыл территорию, находившуюся на орбите России около 200 лет, для влияния других иностранных игроков. Старая Большая Игра подразумевала прямую оккупацию и колонизацию территории, в то время как «Новая большая игра» касается стремления к влиянию стран с помощью институтов – НАТО, ГУАМ, ЕС против СНГ, ОДКБ и Евразийского союза. Это столкновение институтов противоборствующих сторон также свидетельствует о столкновении ценностей и подходов. Евроатлантические организации делают упор на передачу ценностей и норм, которые призваны превратить принимающую страну в организацию, которая является в большей степени «единомышленницей» в спектре либеральной демократии. Организации, связанные с Россией, как правило, менее требовательны к необходимости преобразований, вместо этого стремятся поддерживать статус-кво. Что касается наиболее поразительного сходства, то по самой сути своей цели Новая Большая игра похожа на Старую Большую игру, включающую преднамеренную попытку исключить геополитический и геоэкономический успех или даже присутствие конкурирующих субъектов из конкретного географического региона.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами авторов и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Издание *Connections: The Quarterly Journal*, том 18, 2019 осуществляется при поддержке правительства Соединенных Штатов.

Об авторах

Хаял **Искандаров** – заведующий редакционным отделом Военной академии Вооруженных Сил Азербайджанской Республики. В 2018 году закончил аспирантуру по специальности «Национальная безопасность и военные науки». Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Национальная безопасность Азербайджанской Республики и НАТО». Хаял Искандаров – автор около 100 научных работ. *E-mail*: hayal1333@gmail.com

Доцент Грег **Саймонс**, доктор философии, является научным сотрудником Института российских и евразийских исследований (IRES) Уппсальского университета, Швеция, и преподавателем кафедры коммуникативных наук Университета Туриба в Риге, Латвия. В круг его исследовательских интересов входят российские СМИ, публичная дипломатия и мягкая сила, коммуникации для кризисного менеджмента, СМИ и вооруженные конфликты. Он является автором множества реферированных статей, глав книг и самостоятельных книг. *E-mail*: greg.simons@ires.uu.se

Петр **Гавличек**, доктор философии, доцент Варминско-Мазурского университета в Ольштыне и координатор портала авангардного дистанционного обучения (ADL) программы НАТО DEEP. Его исследовательская и образовательная деятельность сосредоточена на инновационных решениях в сфере образования и обучения. Он написал множество публикаций по темам ИКТ, электронного обучения, Болонского процесса, асимметричных угроз и лидерства. Он внедрял решения для систем электронного обучения / авангардного дистанционного обучения на основе платформы LMS TROJAN во многих военных и гражданских учебных заведениях. *E-mail*: pgawliczek@gmail.com